

УДК 81-114

И.П. Азевич

**СРЕДСТВА И СПОСОБЫ АРГУМЕНТАЦИИ В ОБВИНИТЕЛЬНОЙ РЕЧИ:
КОМПОЗИЦИОННО-СИНТАКСИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ
(НА ПРИМЕРЕ РЕЧЕЙ А.Ф. КОНИ)**

*І.П. АЗЕВІЧ. ЗАСОБИ І СПОСОБИ АРГУМЕНТАЦІЇ В ОБВИНУВАЛЬНІЙ ПРОМОВІ:
КОМПОЗИЦІЙНО-СИНТАКСИЧНИЙ РІВЕНЬ (НА ПРИКЛАДІ ПРОМОВ А.Ф. КОНІ).*

У статті розглядаються мовні способи і засоби аргументації в обвинувальній промові на прикладі промов А.Ф. Коні. Метою дослідження є опис композиційного і синтаксичного рівнів аргументації в монологічній обвинувальній мові в їх взаємозв'язку. Визначено особливості обвинувального мовлення як мовленнєвого жанру. Виявлено мовні способи і засоби аргументації на композиційному і синтаксичному рівнях, обумовлені жанроречевими характеристиками обвинувальної промови. Описуються найбільш частотні способи і засоби аргументації, що використані А.Ф. Коні для аргументації позиції звинувачення. Дані висновки зроблені на підставі аналізу виступів А.Ф. Коні, який є одним з найбільш яскравих представників ораторського мистецтва кінця ХІХ – початку ХХ століття.

Ключові слова: судова обвинувальна промова, мовні способи і засоби аргументації, аргументативний дискурс, мовленнєвий жанр.

*И.П. АЗЕВИЧ. СРЕДСТВА И СПОСОБЫ АРГУМЕНТАЦИИ В ОБВИНИТЕЛЬНОЙ РЕЧИ:
КОМПОЗИЦИОННО-СИНТАКСИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ (НА ПРИМЕРЕ РЕЧЕЙ
А.Ф. КОНИ).*

В статье рассматриваются языковые способы и средства аргументации в обвинительной речи на примере речей А.Ф. Кони. Целью исследования является описание композиционного и синтаксического уровней аргументации в монологической судебной речи в их взаимосвязи. Определены особенности обвинительной речи как речевого жанра. Выявлены языковые способы и средства аргументации на композиционном и синтаксическом уровнях, обусловленные жанроречевыми характеристиками обвинительной речи. Делается вывод о взаимообусловленности композиционной структуры аргументации в обвинительных речах и использовании определенных синтаксических аргументативных маркеров. Описываются наиболее частотные способы и средства аргументации, используемые А.Ф. Кони для аргументации позиции обвинения. Данные выводы сделаны на основе анализа выступлений А.Ф. Кони, который является одним из наиболее ярких представителей ораторского искусства конца ХІХ– начала ХХ века.

Ключевые слова: судебная обвинительная речь, языковые способы и средства аргументации, аргументативный дискурс, речевой жанр.

*I.P. AZEVICH. MEANS AND METHODS OF ARGUMENTATION IN AN ACCUSAL
SPEECH: COMPOSITION-SYNTAX LEVEL (ON THE EXAMPLE OF THE SPEECHES OF
A.F. KONY).*

The article deals with the linguistic methods and means of argumentation in accusatory speech on the example of speeches of A.F. Kony. The purpose of the study is to describe the compositional and syntactic levels of argumentation in monological judicial speech in their relationship. The features of accusatory speech as a speech genre are determined. The linguistic methods and means of argumentation at the compositional and syntactic levels, determined by the genre-speech characteristics of the accusatory speech, are revealed. The conclusion is made about the interdependence of the compositional structure of argumentation in accusatory speeches and the use of certain syntactic argumentative markers. The most frequent methods and means of argumentation used by A.F. Kony for argumentation of the prosecution position are described. These conclusions are based on the analysis of the speeches of A.F. Koni, who is one of the most prominent representatives of the oratory art of the late ХІХ– early ХХ century.

© И.П. Азевич, 2021

<https://doi.org/10.34142/2312-1572.2021.01.73.10>

Keywords: judicial accusatory speech, language methods and means of argumentation, argumentative discourse, speech genre.

Вступление. Интерес к исследованию способов создания аргументативных текстов, в частности, в рамках судебного дискурса, не угасает. Существует множество подходов к изучению средств и способов аргументации: в науке данный феномен рассматривается в аспекте логического, риторического, прагматического, когнитивного, дидактического подходов.

Так, Г.И. Рузавин определяет аргументацию как рационально-логический способ убеждения, предполагающий «диалог, в ходе которого происходит обмен мыслями между его участниками». Чтобы убедить другого человека, подчеркивает ученый, «необходимо прежде всего точно уяснить смысл тех понятий и утверждений, которые используются для этого и которые называются доводами или аргументами» [9, с. 38]. Известный ученый-логик А.А. Ивин трактует аргументацию с позиций рассмотрения человека как субъекта речевой деятельности: «аргументация представляет собой речевое действие, включающее систему утверждений, предназначенных для оправдания или утверждения какого-либо мнения» [4, с. 40].

Весьма интересен и риторический подход к исследованию аргументации, который связан с анализом «средств языковой выразительности (тропы, риторические фигуры и т.п.)» [8, с. 116], с исследованием «разнообразных аргументов как средств (инструментов) воздействия на сознание и поведение адресата» [1, с. 171].

Основы исследования аргументации через призму когнитивной лингвистики разработал А.Н. Баранов, который отмечал, что «изучение аргументации следует рассматривать как часть общей модели мышления и коммуникативной деятельности человека, разрабатываемой в когнитивной науке и искусственном интеллекте, как особый вид дискурса» [2, с. 4]. Дидактический подход реализуется в таком направлении, как аргументативная дидактика. В нем внимание к аргументации базируется на изучении формальных аспектов рассуждений [3; 5]. В современных работах исследователей аргументация рассматривается как комплексное явление, проводятся удачные попытки многомерного анализа данного феномена как продукта, как процесса, как концепта [10; 11]. Однако данные исследования единичны и охватывают лишь определенные типы дискурсов, в которых используются аргументативные схемы и модели.

Обращение к заявленной тематике обусловлено дальнейшей разработкой теории аргументации через призму жанроречевого подхода как одного из перспективных направлений изучения аргументативных текстов.

Актуальность данной работы определяется необходимостью изучения композиционных и синтаксических уровней аргументации в обвинительном дискурсе, исследования языковых способов и средств аргументации с позиций жанровых характеристик текста, разработки методики анализа аргументов разной степени сложности и применения их на практике.

Целью данной статьи является анализ композиционного и синтаксического уровней аргументации в судебной обвинительной речи с позиции жанроречевого подхода в описании аргументативных произведений. Для достижения цели исследования мы поставили перед собой следующие задачи:

выявить конструктивные особенности жанра обвинительной речи;

описать способы аргументации в обвинительной речи, реализуемые на композиционном уровне;

рассмотреть синтаксические аргументативные средства на уровне текста (совокупности высказываний, связанных между собой тематически и концептуально) и высказывания (конкретного суждения) в их взаимосвязи с композиционным уровнем аргументации в обвинительной речи через призму жанровых особенностей.

Методология и методы исследования. Для решения задач исследования были проанализированы тексты выступлений известного судебного оратора конца XIX – начала XX веков А.Ф. Кони, служившего обер-прокурором уголовного кассационного департамента Правительствующего сената Российской империи. В работе использованы метод анализа и синтеза, описательный метод и метод обобщения, функционально-прагматический, структурный, синтаксический методы.

Результаты и дискуссии. После судебной реформы 1864 года судебный процесс в Российской империи стал базироваться на принципах состязательности, открытости и гласности. Появился институт присяжных заседателей. Судебный процесс стал состязательным, а это зна-

чит, что слово, умение им владеть, стало мощным инструментом в отстаивании законности и порядка.

С тех пор судебная речь является основным способом коммуникации в суде, произносится в судебном заседании и представляет собой изложение выводов участника по существу разбираемого дела и возражения других участников (речь прокурора, речь защитника, речь подсудимого, речь потерпевшего и т.д.). Обвинительную судебную речь мы можем отнести, ссылаясь на К.А. Устинову [12, с. 127], к устным жанрам судебного дискурса, который, в свою очередь, является разновидностью дискурса юридического и обладает ярко выраженным институциональным характером [12, с. 125 – 126].

Чтобы определить жанровые особенности обвинительной речи, обратимся к научным идеям лингвиста Т.В. Шмелевой, которая отмечает, что речевой жанр – это особая модель высказывания, обладающая набором определенных «жанрообразующих признаков, необходимых и достаточных для опознания, характеристики, конструирования» данной речевой модели [14, с. 84]. Исходя из анализа моделирующих параметров, названных Т.В. Шмелевой (коммуникативная цель текстов, особенности образов адресата и адресанта, содержание текстов, языковые маркеры и др.), мы приходим к выводу, что судебная обвинительная речь обладает следующими характерными жанровыми признаками:

особая коммуникативная цель – воздействовать на участников судебного процесса, убедить адресата принять точку зрения говорящего;

образы адресанта и адресата вполне конкретны, и тот и другой обладают определенными полномочиями, однако адресант зависит от решения адресата;

особое событийное содержание обвинительной речи, строящееся по определенным схемам, которые диктуются составом преступления, собранными доказательствами по делу, имеющимися противоречиями в доказательной базе и др. факторами;

характерными языковыми чертами судебной обвинительной речи являются клишированность, цитирование, метафоричность, сложность синтаксических структур, максимальность словесного выражения и др.

Выявленные конструктивные особенности обвинительной речи как речевого жанра напрямую влияют на выбор аргументативных композиционных способов и синтаксических средств, делая аргументацию ритуальной, предсказуемой, типичной для произведений данной речевой модели.

С точки зрения количества участников коммуникации обвинительная речь является монологом. Как отмечает А.Н. Баранов, в монологе аргументация предстает как особый макротип речевого акта со своими специфическими условиями успешности и принципами реализации в конкретных типах аудитории [2, с. 12].

Ю.Н. Касьянова рассматривает монолог в судебном дискурсе как развернутое высказывание одного лица, процесс сознательного обращения к слушателю, характерное для устной научной, судебной, публичной речи, которое продумывают и готовят заранее [6]. Цель монолога – достичь нужного уровня воздействия на слушателей, убедить в чем-либо. Монологическая речь требует от говорящего умения логически, последовательно излагать свои мысли, выражать их ясно и отчетливо, а также умения устанавливать контакт с аудиторией. Для этого говорящий должен следить не только за содержанием своей речи и за ее внешним построением, но и за реакцией слушателей. Исходя из вышесказанного, аргументация априори должна присутствовать в монологической речи.

Однако заметим, что речь прокурора перед присяжными заседателями не является монологом в традиционном его понимании. С одной стороны, доказательность, аргументированность обвинительных речей, наличие в них замысла и цели воздействия на адресата являются признаками монологичности выступления, с другой – в изучении материала с двух точек зрения (обвинения и защиты), обращении к присяжным заседателям проявляется диалогичность обвинительных речей, что также влияет на выбор способов и средств аргументации в выступлениях посредством использования речевых приемов и тактик воздействия и убеждения.

Рассмотрим влияние указанных особенностей на аргументативную составляющую обвинительных речей А.Ф. Кони.

Характерной чертой обвинительной речи как речевого жанра, его институционального статуса, является обязательный содержательный компонент – наличие спорного правового вопроса, который выносится на рассмотрение в суде. Прокурор, поддерживая обвинение, доказы-

вает виновность обвиняемого, убеждает присяжных заседателей в этом. Эта отправная точка для речевого жанра обвинительной речи.

Первая (вступительная) композиционная часть обвинительных речей А.Ф. Кони характеризуется ритуальностью и содержит, как правило, два аргументирующих компонента: психологический и логический, каждый из которых может оформляться определенными лингвистическими средствами. Наиболее частотными являются психологические аргументирующие компоненты, которые в текстах представлены как речевое клишированное обращение *Господа судьбы! Господа присяжные заседатели!*, оценочные предложения; наблюдаем частое использование лексических единиц с положительной и отрицательной коннотацией, подчинительных союзов в сочетании с местоимениями и местоименными наречиями с усилительным значением, использование вводных слов и др. Примером тому может послужить начало обвинительной речи «По делу о лжеприсяге в бракоразводном деле супругов З-ных»: *«Господа судьбы! Господа присяжные заседатели! Вам предстоит рассмотреть дело, выходящее из ряда вон как по трудности своего возникновения, так и по некоторым своим особенностям. Подобного рода дела редко доходят до суда. Преступление, о котором идет речь, обставляется обыкновенно так, что становится очень трудноуловимым. Поэтому в том, что подобное дело дошло до суда, уже надо признать некоторую предварительную победу правосудия. Кроме того, при производстве подобного дела, в большей части случаев, свидетели наносят в него такую массу грязи, что трудно отличить настоящие обстоятельства его от тех, которыми оно загрязнено и искажено»*. С целью завладения вниманием аудитории, создания эффекта солидарности во вступительной части широко используются сложноподчиненные предложения со значением условия или уступки: *«Если в нем много наносных элементов, если оно несколько затемнено неискренностью и отсутствием полной ясности в показаниях свидетелей, если в нем представляются некоторые противоречия, то тем выше задача обнаружить истину, тем более усилий ума, совести и внимания следует употребить для узнавания правды»* (из речи «По делу об утоплении крестьянки Емельяновой ее мужем»), *«Вы не должны безусловно доверять его показанию, хотя бы оно даже было собственным сознанием, сознанием чистым, как заявляет здесь подсудимый, без строгой проверки этого показания»* (из речи «По делу об убийстве иеромонаха Иллариона») [7]. Психологические аргументы служат для усиления «убеждающей» направленности выступления.

Далее оратор прибегает к логическим аргументирующим компонентам, кратко излагая обстоятельства дела, используя ссылки на материалы дела и показания свидетелей. Вступительная часть, как правило, завершается логическим аргументирующим компонентом в виде логического довода, который реализуется с помощью подчиненного союза *для того, чтобы*, дейктического местоимения *для этого*: *«Для того, чтобы определить, что известное лицо говорит на суде ложь, необходимо прежде всего рассмотреть его показание по существу, посмотреть на обстановку, в которой оно дано, и главным образом на то, каким порядком оно создавалось»* (из речи «По делу о лжеприсяге в бракоразводном деле супругов З-ных*») [7]. *«Для этого необходимо рассмотреть вкратце обстановку дела и прежде всего взглянуть на личность потерпевшего от преступления»* [7], *«Поэтому для того, чтобы в каждом данном случае доказать, что убийство совершено в запальчивости и раздражении, необходимо доказать, что гнев и ненависть действительно существовали, что последняя постепенно развивалась и созревала, дойдя, наконец, до такой степени, что стремление утолить ее заглушило в человеке все остальные соображения»* [7].

Такого рода высказывания композиционно связывают вступительную часть обвинительной речи с основной и представляют собой тезис, который впоследствии подробно аргументируется оратором. Основную часть обвинительных речей А.Ф. Кони строит на следующих тактиках и приемах.

Оратор практически в каждой речи дает развернутые характеристики подсудимого и потерпевшего, свидетелей и других участников дела, цель которых — подчеркнуть особенности той или иной личности, что может повлиять на принятие решения судом и присяжными. Это средство «обвинительной» аргументации наиболее часто использовано в основной части: *«Я готов сказать, что оно имеет, к сожалению, такое значение, потому что было бы странно скрывать от себя и недостойно умалчивать перед вами, что личность ее не производит симпатичного впечатления и что даже взятая вне обстоятельств этого дела, сама по себе, она едва ли привлекла бы к себе наше сочувствие. Но я думаю, что это свойство ее лич-*

ности несколько не изменяет существа ее показания» (из речи «По делу об утоплении крестьянки Емельяновой ее мужем») [7], «...**Итак, это характер сосредоточенный, сильный и твердый, но развившийся в дурной обстановке, которая ему никаких сдерживающих нравственных начал дать не могла. Посмотрим теперь на его жену. О ней также характеристичные показания: эта женщина невысокого роста, толстая, белокурая, флегматическая, молчаливая и терпеливая:** «Всякие тиранства от моей жены, капризной женщины, переносила, никогда слова не сказала», — говорит о ней свидетель Одинцов. «Слова от нее трудно добиться», — прибавил он. **Итак, это вот какая личность: тихая, покорная, вялая и скучная, главное — скучная**» [7]. С помощью вводных слов, синтаксических конструкций обоснования, рядов однородных определений А.Ф. Кони делает вывод о личностных качествах того или иного участника процесса, имеющих значение для разбираемого в суде дела.

А.Ф. Кони композиционно выстраивает речь, используя сначала слабые, сомнительные, необидительные доказательства (чтобы это не сделал адвокат), а затем акцентирует внимание на прямых, неопровержимых уликах. Синтаксически эта часть речей строится в вопросно-ответной форме, в чем проявляется особая черта обвинительной речи – диалогичность и что усиливает ее воздействующий эффект на адресата. Так, при разборе доказательств вины Ивана Михайлова в речи «По делу об убийстве иеромонаха Иллариона» А.Ф. Кони использует логические вопросы, выстраивая тем самым «мостик», указывающий на то, в каком направлении должна двигаться мысль аудитории: «**Укажу только те вопросы, которые прежде всего возникли у лиц, исследовавших это дело, и вы увидите, как полно и красноречиво отвечала на эти вопросы самая обстановка найденного. Прежде всего, что это такое? Убийство, очевидно. С какой целью? Разломанная шкатулка, раскрытые комоды, разбросанная одежда — все это прямо говорит о совершении преступления с целью грабежа. В какое время? Отцу Иллариону после вечерни, следовательно в 5 часов вечера, в 6-м, были принесены дрова и вода для самовара; затем у него найден самовар, почти полный водою, в чайнике, налитом доверху, заварен чай, чашка суха; видно, что, вернувшись от вечерни, он заварил чай и не успел напиться**» [7]. После того как все доказательства изложены, оратор использует в своей речи композиционный прием повторения: задает риторические вопросы, ответы на которые аудитория уже знает из предыдущей части выступления: «**Отчего же, если он желал повидаться с отцом Илларионом, не отправился он к нему тотчас же, как ушел с железной дороги? Отчего он не пошел к нему в 4 часа, когда ушел с вокзала? Отчего он пошел именно в 6 часов, когда в коридоре никого нет и быть не может?**» Подведение к определенной мысли (в данном случае, что именно Иван Михайлов убил иеромонаха) усиливается заключительным выказыванием в данном вопросно-диалогическом единстве: «**Я думаю оттого, что ему нужно было застать отца Иллариона одного**». Вопросно-ответная форма изложения доказательств по делу является также излюбленным композиционным способом аргументации у А.Ф. Кони и присутствует практически в каждой его обвинительной речи.

Перечисление собранных по делу доказательств, их анализ синтаксически реализуется с помощью сложносочиненных предложений с причинно-следственным значением, вводных слов со значением перечисления, синтаксических конструкций обоснования вывода, таких, как *прежде всего нам скажут..., понятно, что..., я не стану утверждать, чтобы..., затем скажут ..., припомните (...), очевидно, что ..., да наконец, если вы представите..., вы убедитесь, что..., наконец известно, что ..., думаю, что, мы знаем, что..., мы знаем каково...* и других синтаксических средств: «**Затем остаются неразъясненными два обстоятельства: во-первых, зачем обвиняемый вызывал Аграфену, когда шел убивать жену, и, во-вторых, зачем он говорил, по показанию Суриной, что «брал девку, а вышла баба», и упрекал в том жену, в последние моменты ее жизни?»**, «**Нам могут возразить против показания Суриной, что смерть Лукерьи могла произойти от самоубийства или же сама Сурина могла убить ее. Обратимся к разбору этих, могущих быть, возражений. Прежде всего нам скажут, что борьбы не было, потому что платье утопленницы не разорвано, не запачкано, что сапоги у подсудимого, который должен был войти в воду, не были мокры и т. д. Взгляните в эти два пункта возражений и вы увидите, что они вовсе не так существенны, как кажутся с первого взгляда**» [7]. Употребление глаголов в форме второго лица множественного числа является языковым маркером институциональности и диалогичности обвинительной речи: такие речевые клише позволяют достичь эффекта совместного размышления участников в одном русле, что является сильным воздействующим средством на аудиторию.

А.Ф. Кони использует в основной части такой прием организации речи, как выдвижение и озвучивание версии обвинения, указание на то, как было совершено данное преступление с его точки зрения как прокурора. Данная структурная часть вводится в композиционную структуру выступления при помощи синтаксических конструкций *я полагаю, что...*, *я не думаю, что это было так, это не так, поэтому я думаю, что ...*, в которых имеется ментальный глагол, а также вводные слова *следовательно, таким образом*: **«Я не думаю, чтобы это было так. Я припомню здесь слова иеромонаха Ювеналия, который показал, что чердак, находящийся в конце коридора и из которого можно видеть, кто уходит из коридора вниз по лестнице и кто приходит, незадолго до убийства был заперт, а после убийства оказался отпертым. ... А с чердака удобно было видеть, когда все уйдут, когда отец Григорий и приезжие архимандриты пойдут ко всенощной и когда, следовательно, отец Илларион останется один в своей келье», «Я полагаю, что можно не без основания предположить, что она [железная балясина – прим. авт.] была принесена обвиняемым с собой» [7], «Следовательно, отец Илларион вырывал нож, а не защищался им», «Таким образом, он [Иван Михайлов – прим. авт.] обдуманно рассуждает, оценивая все последствия своих действий», «Я думаю, что, насколько позволяют время и ваша усталость, я достаточно указал на отрицательную сторону дела, на искусственность связи в показаниях подсудимых и, наконец, на вымышленность поводов к начатию дела со стороны господина З-на» и т. д.** Как правило, изложением прокурорской версии произошедшего завершается основная часть обвинительных речей А.Ф. Кони.

В основной части судебных речей А. Ф. Кони часто используется особый вид развернутого синтаксического построения, форма которого хорошо приспособлена для аргументирующего текста – период. «Период в ораторской речи включает две части: аргументы и вывод, причем способы синтаксического оформления этих частей различны» [11, с. 126]. На исследуемом нами материале период приобретает следующий вид: первая часть – это ряд однотипных придаточных, затем следует вывод: *«Я думаю, однако, что это не так, что мысль об убийстве явилась вовсе не внезапно, что он имел возможность в течение некоторого времени оценить и взвесить ее, или изгнать ее из своей головы, или удержать – и избрал последнее» [7].* Или первая часть – сложное предложение с однородными придаточными, вторая часть – присоединенное без союза придаточное предложение, выражающее обобщающую оценку: *«Притом наказание ее имеет особое значение в деле: им завершаются все предшествовавшие гибели Лукерьи события, им объясняются и все последующие, оно есть, наконец, единственное показание очевидца» [7].* Это синтаксическое средство создания аргументированного текста позволяет сочетать логичность высказывания с эмоциональным описанием той или иной ситуации.

Заключительная часть композиционной структуры судебных речей А.Ф. Кони содержит ценностную аргументацию, выражающуюся в обращении к присяжным заседателям и суду с напутственным словом в принятии окончательного решения по делу: оратор в заключительной части согласно нормам судебной речи может обратиться к уголовному и уголовно-процессуальному законодательству Российской империи и дать его комментарий, обязательно выразить государственную оценку совершенного преступления, упомянуть о своем личном отношении к случившемуся, обязательно присутствует апелляция к понятиям нравственности и морали: *«В настоящем деле нравственно виновных лиц больше, чем виновных юридически, но, к сожалению, я могу говорить только о вине, подходящей под положительные указания карательного закона» [7], «Со сделкой с совестью ему не удалось. Теперь он находится пред вами и, по-видимому, хочет вступить в сделку с правосудием: признаваясь в убийстве, ввиду неотразимых фактов, он сознается, однако, не во всем, он выторговывает себе внезапность умысла. Не думаю, чтобы на него хорошо подействовало нравственно, если эта вторая сделка удастся. Вот почему я думаю, что она ему может и не удалиться» [7].*

Концовки судебных речей А.Ф. Кони образные, лаконичные. Такими их делает не только аргументация к общечеловеческим ценностям, что само по себе не может оставить равнодушным никого, но и специальная организация синтаксического уровня текста, которая как раз таки и определяется использованием ценностных аргументов. В заключительных частях речей А.Ф. Кони «упаковывает» аргументы в сравнительные конструкции *«Но я уверен, что вы не отступите перед трудностью задачи, как не отступила перед ней обвинительная власть, хотя, быть может, разрешите ее иначе»*, заостряет внимание на важных деталях *«Но не о строгости кары думает в настоящее время обвинительная власть. Есть одно соображение, которое, как мне кажется, в настоящем деле следует принять, во внимание. Подсудимый молод,*

ему 18 лет, вся жизнь еще пред ним. Он начал ее очень печальным делом, начал преступною сделкою с своей совестью», повторяет аргументы «Я обвиняю подсудимого Михайлова в том, что он совершил преступление с обдуманном заранее намерением» [7], оценивает преступления с точки зрения закона «Закон считает оба эти преступления весьма тяжкими», «Подобные деятели опасны в обществе, и чем их больше, тем они становятся опаснее, потому что составляют компании и товарищества взаимного вспомоществования» [7], указывает на исключительно важную роль присяжных заседателей «Подсудимый хочет доказать, что оно совершено внезапно, без предумышления. Кто из нас прав — решит ваш приговор» [7], «Поэтому обществу приличнее всего защищаться от них своими собственными средствами. Одним из лучших таких средств должен быть ваш суд, господа присяжные заседатели...» [7]. Используемые конструкции синтаксически сложны (могут состоять из шести и более частей), однако не отягощают общего восприятия, так как содержат перечисление доказательств в концентрированном виде «И если Чихачев умирает от ударов, нанесенных ножом в такое место, где смерть почти неизбежна, нанесенных человеком, который давно кипел против него гневом и преследовал его, добываясь своей или его смерти, и встретил окончательный отказ в удовлетворении этого желания, мы имеем право сказать, что человек этот хотел убить своего врага, сказать, что подсудимый убил его в запальчивости и раздражении». Данный композиционный прием служит для акцентирования внимания аудитории на важных особенностях дела. Зачастую в заключительной части А.Ф. Кони использует синтаксический повтор, который является выразителем общей мысли обвинительной речи, объединяющей все композиционные компоненты речи в единое целое: «И он убил Чихачева...» [7] (завершающая фраза речи «По делу об убийстве коллежского асессора Чихачева»).

Таким образом, проведенный анализ показал, что обвинительная речь имеет свои отличительные композиционные и синтаксические особенности, обусловленные ее жанроречевыми характеристиками, такими как особая коммуникативная цель, содержание, специфика адресанта и адресата, монологичность, институциональность и др. Композиционный уровень обвинительной речи А.Ф. Кони включает три части, каждая из которых преследует определенную цель: во вступительной части задача оратора заключается в завладении вниманием адресата, создании эффекта солидарности с говорящим; основная функция второй части – логично, последовательно изложить суть дела, доказательства, создать определенную картину преступления с учетом психологических и нравственных портретов его участников; заключительная часть является напутственным словом для присяжных заседателей и суда, цель которого убедить в правильности позиции обвинения. Такая композиционная структура аргументации возможна при использовании определенных синтаксических маркеров, среди которых – подчинительные союзы, вводные слова, конструкции обоснования и вывода, местоимения и местоименные наречия, дейктические слова, вопросно-ответные, сравнительные конструкции, логические доводы, периоды, синтаксический повтор и др.

Разнообразие способов и средств композиционно-синтаксического уровня в текстах обвинительных речей А.Ф. Кони подчеркивает незаурядный филологический дар выдающегося оратора конца XIX – начала XX веков, который внимательно относился к слову, тонко чувствуя безграничные возможности его воздействующего потенциала и искусно направляя эту силу в созидательное русло.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимова Т.В. Система риторической аргументации в дискурсе социальной рекламы // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. 2019. №2. С. 159–173. [Электронный ресурс]. – Режим доступа к журн.: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-ritoricheskoy-argumentatsii-v-diskurse-sotsialnoy-reklamy>. Дата доступа: 19.04.2021.
2. Баранов А. Н. Лингвистическая теория аргументации (когнитивный подход): автореф. дис. на соиск. учен. степ. докт. филол. наук : спец. 10.02.01, 10.02.19 «Русский язык», «Теория языкознания». М., 1990. 48 с.
3. Брюшкин В.Н. Логика, мышление, информация. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1988. 152 с.
4. Ивин А. А. Логика и теория аргументации: элементарный курс. М.: Гардарики, 2007. 220 с.
5. Ивлев Ю.В. Теория и практика аргументации: учебник. М.: Проспект, 2015. 288 с.

6. Касьянова Ю.И. Структурно-семантический анализ аргументации в монологическом тексте: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Ижевск, 2008. 158 с.
7. Кони А. Ф. Собрание сочинений. Т. 3 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%9A/koni-anatolij-fedorovich/tom-3-sudebnie-rechi>. Дата доступа : 10.04.2021.
8. Пригарина Н. К. Риторические характеристики аргументативных моделей некоторых видов дискурсов // Грани познания. 2015. № 1(35). С. 116–121.
9. Рузавин Г. И. Логика и аргументация: Учебн. пособие для вузов. М.: Культура и спорт, ЮНИТИ, 1997. 351 с.
10. Савчук Т.Н. Аргументация в дискурсе гуманитарных наук (на материале русско- и белорусскоязычных текстов): автореф. дис. на соиск. учен. степ. докт. филол. наук: спец. 10.02.19 «Теория языка». Минск, 2019. 46 с.
11. Тимофеева Л. И. Судебные речи А.Ф. Кони: лингвостилистический аспект [Электронный ресурс] // Вестник Марийского государственного университета. 2015. Режим доступа к журн.: <https://cyberleninka.ru/article/n/sudebnye-rechi-a-f-koni-lingvostilisticheskiy-aspekt/viewer>. Дата доступа: 09.04.2021.
12. Устинова К. А. Институциональные признаки судебного дискурса / К.А. Устинова // Вестник Челябинского государственного университета. Сер.: Филология. Искусствоведение. 2011. Вып. 60. № 33. С. 125–127.
13. Фанян Н.Ю. Лингвистическая аргументация как новая дисциплина [Электронный ресурс] // Вестник Удмурдского университета. Серия История и филология. 2017. Т. 27, вып. 5. Режим доступа к журн.: <file:///C:/Users/all/Downloads/lingvisticheskaya-argumentatsiya-kak-novaya-distsiplina.pdf>. Дата доступа: 09.04.2021.
14. Шмелева Т. В. Модель речевого жанра // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация / общ. ред., предисл. К. Ф. Седов. М.: Лабиринт, 2007. С. 81–89.

REFERENCES

1. Anisimova T.V. Sistema ritoricheskoy argumentacii v diskurse social'noj reklamy // Vestnik VolGU. Seriya 2: Yazykoznanie. 2019. №2. S. 159–173. [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa k zhurn.: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-ritoricheskoy-argumentatsii-v-diskurse-sotsialnoy-reklamy>. Data dostupa: 19.04.2021.
2. Baranov A. N. Lingvisticheskaya teoriya argumentacii (kognitivnyj podhod): avtoref. dis. na soisk. uchen. step. dokt. filol. nauk : spec. 10.02.01, 10.02.19 «Russkij yazyk», «Teoriya yazykoznaniya». M., 1990. 48 s.
3. Bryushkin V.N. Logika, myshlenie, informaciya. L.: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1988. 152 s.
4. Ivin A. A. Logika i teoriya argumentacii: elementarnyj kurs. M.: Gardariki, 2007. 220 s.
5. Ivlev Yu.V. Teoriya i praktika argumentacii: uchebnik. M.: Prospekt, 2015. 288 s.
6. Kas'yanova Yu.I. Strukturno-semanticheskij analiz argumentacii v monologicheskom tekste: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.19. Izhevsk, 2008. 158 s.
7. Koni A. F. Sobraenie sochinenij. T. 3 [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%9A/koni-anatolij-fedorovich/tom-3-sudebnie-rechi>. Data dostupa : 10.04.2021.
8. Prigarina N. K. Ritoricheskie harakteristiki argumentativnyh modelej nekotoryh vidov diskursov // Grani poznaniya. 2015. № 1(35). S. 116–121.
9. Ruzavin G. I. Logika i argumentaciya: Uchebn. posobie dlya vuzov. M.: Kul'tura i sport, YuNITI, 1997. 351 s.
10. Savchuk T.N. Argumentaciya v diskurse gumanitarnyh nauk (na materiale russko- i belorusskoyazychnyh tekstov): avtoref. dis. na soisk. uchen. step. dokt. filol. nauk: spec. 10.02.19 «Teoriya yazyka». Minsk, 2019. 46 s.
11. Timofeeva L. I. Sudebnye rechi A.F. Koni: lingvostilisticheskij aspekt [Elektronnyj resurs] // Vestnik Marijskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015. Rezhim dostupa k zhurn.: <https://cyberleninka.ru/article/n/sudebnye-rechi-a-f-koni-lingvostilisticheskiy-aspekt/viewer>. Data dostupa: 09.04.2021.

12. Ustinova K. A. Institucional'nye priznaki sudebnogo diskursa / K.A. Ustinova // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Filologiya. Iskusstvovedenie. 2011. Vyp. 60. № 33. S. 125–127.

13. Fanyan N.Yu. Lingvisticheskaya argumentaciya kak novaya disciplina [Elektronnyj resurs] // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Istoriya i filologiya. 2017. T. 27, vyp. 5. Rezhim dostupa k zhurn.: file:///C:/Users/all/Downloads/lingvisticheskaya-argumentatsiya-kak-novaya-distsiplina.pdf. Data dostupa: 09.04.2021.

14. Shmeleva T. V. Model' rechevogo zhanra // Antologiya rechevyh zhanrov: povsednevna-ya kommunikaciya / obshch. red., predisl. K. F. Sedov. M.: Labirint, 2007. S. 81–89.

Азевич Ирина Петровна – аспирантка кафедры мировых языков Витебского государственного университета имени П.М.Машерова. ORCID ID 0000-0001-7852-9340. E-mail drozd2929@mail.ru

(Статья поступила в редакцию 28 апреля 2021 г.)